

УДК 81'427

**АНГЛИЦИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ТЕКСТЕ И ОБРАЗ АВТОРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
Б. АКУНИНА И С. ЛУКЬЯНЕНКО)**

¹Ерещенко М.В., ²Изюмская С.С.

¹ФГБОУ ВПО «Донской государственный технический университет»,
Ростов-на-Дону, e-mail: tutuki@yandex.ru;

²ФГАУ ВПО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону,
e-mail: SVETLANA.DRIGA@yandex.ru

Данная статья затрагивает один из актуальных вопросов современной лингвистики – вопрос о функциональном статусе англицизма в современном художественном тексте. В центре внимания – соотношение понятий «англицизм», «автор», «повествователь» и «персонаж» в пространстве художественных текстов Б. Акунина и С. Лукьяненко, которые, согласно рейтингу, входят в десятку самых популярных среди молодежи авторов в начале XXI века в России, способы ввода англицизмов, роль иноязычных слов в реализации различных коммуникативных стратегий и тактик (включение в круг чужих, прием постановки в отрицательный контекст, дистанцирование и др.), раскрывающие языковую личность автора. С помощью определенных стратегий и тактик авторы стремятся актуализировать ключевые концепты. Детализированный анализ функционального статуса англицизмов в русском языке, их «роли» в реализации различных тактик и стратегий помогает проникнуть в «ткань» текста, раскрыть языковую личность автора.

Ключевые слова: англицизм, автор, повествователь, персонаж, языковая личность автора, художественный текст

**ANGLICISMS IN THE MODERN FICTION TEXT AND IMAGE OF THE AUTHOR
(ON THE BASIS OF WORKS BY B.AKUNIN AND S.LUKYANENKO)**

¹Ereshchenko M.V., ²Izyumskaya S.S.

¹*Social and Humanities faculty, Don State technical university, Rostov-on-Don, e-mail: tutuki@yandex.ru;*

²*Southern federal university, Rostov-on-Don, e-mail: SVETLANA DRIGA@yandex.ru*

The article deals with one of the most topical problems of modern linguistic science the problem of anglicisms functional status in terms of modern fiction. The author is focused on the problem of correlation of the notions «anglicisms», «author» narrator and «personage» within the modern fiction text of B.Akunin and S.Lukyankenko who are in the top ten of the most popular writers among young people at the beginning of XXIst centuries in Russia, how to type English words, the role of foreign words in the implementation of different communicative strategies and tactics (inclusion in the circle of strangers, reception performances in a negative context, distancing and other), revealing the linguistic identity of the author. With the help of certain strategies and tactics of the authors try to update the key concepts. A detailed analysis of the functional status of English words in Russian language, their roles in the implementation of the various tactics and strategies helps to penetrate into the fabric of the text, to reveal the linguistic identity of the author.

Keywords: anglicism, author, narrator, personage, language individuality of the author, fiction work

В начале XXI века актуализируется интерес к исследованиям, затрагивающим антропоцентрический характер языковых процессов. Как известно, творцом языка является Человек, именно говорящему (пишущему) суждено находиться в центре языка [14, с. 81], определять его функциональное многообразие и развитие в условиях глобализации и «многоликости» современного социума.

По мнению ведущих исследователей, язык приспособлен для выражения мыслей, чувств, переживаний людей [14, с. 81]. Именно в условиях становления антропоцентрической парадигмы особый интерес представляют вопросы, затрагивающие такие понятия, как «образ автора», «языковая личность», «коммуникативная тактика», «коммуникативная стратегия», «художественный текст», «рассказчик», «повествователь», «персонаж» и их соотношение в различных ситуациях. Вопросы,

затрагивающие данные понятия, находятся в центре внимания многих исследователей (Арнольд И.В., Брандес М.П., Барлас Л.Г., Виноградов В.В., Винокур Г.О., Гвоздев А.Н., Гальперин И.Р., Лотман Ю., Левин В.Л., Гореликова М.И., Кожевникова Н.А., Одинцов В.В., Магомедова Д.М., Шмелев Д.Н., Золотова Г.А., Джанджакова Е.В., Нечаева О.А., Солганик Г.Я., Лосева Л.М., Валгина Н.С., Атарова К.Н., Лескис Г.А. и др.). Термин «Образ автора» (В.В. Виноградов) является центральным понятием, «стилеобразующей категорией текста» [14, с. 95], «средоточием, фокусом, создаваемым всеми языковыми и речевыми средствами» [14, с. 96]. Как отмечает М.М. Бахтин, художник с помощью слова обрабатывает мир [7], субъективизация становится следствием сотворчества автора и читателя, когда происходит «наложение» личностных характеристик конкретного получателя художественного сообщения

в процессе восприятия. В этом случае происходит как бы «отражение отражения», что и обуславливает возможную широкую вариативность интерпретации текста [5, с. 39]. Особая условность художественной речи, возможности стилизации, полифонии, стилистическая многослойность и др. особенности связаны с тем, что субъект речи (я, ты, он) никогда не отождествляется с реальным производителем речи [14, с. 74], «изображенный мир, каким бы он ни был реалистичным и правдивым, никогда не может быть хронически тождественным с изображающим реальным миром, где находится автор – творец этого изображения» [6, с. 405].

Однако существуют и другие подходы к данному вопросу. Так, по мнению В.В. Виноградова, рассказчик – это речевое порождение автора: «В композиции целого произведения динамически развертывающееся содержание, во множестве образов отражающее многообразие действительности, раскрывается в смене и чередовании разных функционально-речевых стилей, разных форм и типов речи, в своей совокупности создающих целостный и внутренне единый «образ автора». Именно в своеобразии речевой структуры образа автора глубже и ярче всего выражается стилистическое единство целого произведения» [8, с. 296].

В «океане» актуальных проблем, затрагивающих понятие «автор», одним из наименее разработанных является вопрос о соотношении понятий «англицизм» и «повествователь», роль данных элементов языка иноязычного происхождения в реализации коммуникативных стратегий и тактик. Лексическое наполнение современного художественного текста помогает адресату (читателю) проникнуть в авторский замысел, раскрыть его коммуникативные стратегии и тактики. Автор, являясь «художником текста», нередко включает в процесс вербального «наполнения» структуры текста слова иноязычного происхождения (преимущественно англицизмы). Нередко автор конкретного художественного текста прибегает к включению англицизмов в несобственно-прямую речь, прагматическая направленность которой по линии «автор-читатель» может осуществляться по следующим разновидностям (или моделям): «оценка ситуации и реакция на неё», «размышление-рассуждение героя». В реализации модели «Оценка ситуации и реакция на неё» могут участвовать различные элементы языка, синтезирующие текст-рассуждение, текст-оценку. Специфика художественного произведения, по мнению исследователей, заключается в том, что «непосредственно

повествование ведут рассказчик или персонажи, составляющие созданный писателем мир. И только через этот мир, косвенно писатель выражает свои мысли, своё отношение к действительности» [14, с. 111]. Например: «Этот мир пригоден либо для функционалов, либо для граждан, склонных к наркомании. Возможно, сюда будет с удовольствием выбираться рэпер с компанией. Или солидные дяденьки с депутатскими значками на пиджаках» [13].

Помещение англицизма («рэпер») в текст «оценка ситуации» с элементами рассуждения (размышление-альтернатива), включающий предположение относительно развития событий в социуме, реализует тактику дистанцирования. Словосочетания «дяденька с депутатскими значками», «рэпер с компанией» затрагивают стратегию «включение в круг чужих», проектируют в сознание читателя негативное восприятие определённого явления («чужой мир»), участвуют в реализации иллюкутивных составляющих «ирония» и «сарказм».

Довольно часто автор художественного текста обращается к приёму включения англицизмов в несобственно-прямую речь, представляющую собой модель «оценка (характеристика) мыслительной деятельности рассказчика (повествователя)». Мысли, чувства, переживания могут возникнуть в результате реакции на определённое событие. Форма изложения от 1-го лица создает атмосферу доверительности в повествовании, пересказ внутренних переживаний героя способствует «сближению» рассказчика с читателем. Автор (фактический производитель речи), по мнению исследователей, «выбирая тот или иной тип речи (или чередуя их), вносит окончательные штрихи в общую модальность текста» [14, с. 95]. Например: «Стою, спиной к полкам прижался, «браунинг» этот дурацкий в руке ходоном ходит. Прикидываю: киллеру надо на первом этаже четыре спальни осмотреть, тренажёрный зал, гостиную, столовую, кухню, кладовку, два сортира, плюс часовню» [4, с. 106]; «Слышу, внизу орган заиграл. Соображаю: это киллер уже до часовни добрался, на пульте кнопки тыкает, проверяет, не откроется ли где потайная дверь» [4, с. 106]; «Признаться, я здорово перетрусил – репутация у моего «бизнес-партнёра» и его команды была серьёзная...» [4, с. 97] и др.

Включение англицизмов (киллер, бизнес-партнер и др.) в указанные модели способствует не только процессу изображения, проектирования ситуации и реакции героев на данную ситуацию, но и процессу воплощения тактики дистанцирования, стратегии «включение в круг чужих». Действия

(киллера) и положение в социуме данных персонажей (репутация бизнес-партнера) вызывают у рассказчика пейоративное отношение, эмоциональное восприятие (эмоции «страх», «ужас» и др.). Англицизмы при этом занимают ключевую роль в развитии сюжета, участвуют в создании особого драматического накала в проектировании конкретной ситуации.

Нередко автор («художник текста») прибегает к приёму включения англицизма в несобственно-прямую речь, представляющую собой модель «оценка рассказчика (повествователя) каких-либо невербальных действий персонажа и реакция на эти действия». Например: «Странное занятие для сорокалетнего отца семейства – сочинять компьютерные игры, да ещё в рабочее время» [1, с. 5]; «Чудесная гусеница! Я улыбнулся ей – и она смешно изогнулась в ответ, так что превратилась в смайлик – компьютерный значок улыбки. Наверное, с ней даже можно общаться!» [13] и др.

Реакция персонажа на какую-либо конкретную ситуацию может быть представлена в форме вставной конструкции, помещённой в постпозицию к англицизму. При этом весь процесс вербализации может затрагивать иллокутивные составляющие «ирония», «сарказм», тактику дистанцирования в отношении конкретного персонажа и его действий в социуме. Например: «Бизнес, мозгом и руководителем которого был Паша Пеньков, процветал... За минувшие с тех пор годы Пашина жизнь радикально переменялась. Теперь он обитал в двухсотметровом лофте с технодизайном на Тверской, ездил на спортивном «альфа-ремео», останавливался в первоклассных гостиницах, а путешествовал исключительно бизнес-классом (мог бы и первым, просто не хотел привлекать к себе лишнего внимания)» [2, с. 47]; «Сидишь себе в хранилище, изучаешь жизнь давно исчезнувших людей. Но мозг настороже, под ложечкой посасывает от предвкушения – особенно. Если предмет изучения вдруг обнаружит задатки «спонсора» (этот термин Паша придумал сам и находил его остроумным)» [2] и др.

Автор нередко помещает англицизмы в текст-повествование, представляющий собой модель «оценка (описание) действий персонажей». Например: «Послунив палец милиционер пролистал книжку и прочёл: – Податель сей ксивы – в натуре, генерал – старший сержант ДЗР... Для выполнения данного имеет следующие права: конфисковать прыгоходы и иные средства передвижения, размагничивать дискеты с текстами сказок, пользоваться мумми-бластером, учинять диверсионные акты любой крутиз-

ны» [12]; «Это Шидла дал маме мумми-бластер, прощаясь... Бластер всегда надёжно прятала, помнила наказ Шидлы, применять лишь в крайнем случае, а лучше – не применять» [11]; «Локальный гипертунель создан. Рейдер транспортируется к Земле. Временно отключаюсь», – отчетливо прозвучало в сознании. Наступила неловкая тишина. Потом Эркадо сухо сказал: – А леер-Ил с планеты Клэн погиб, пытаюсь уничтожить Белый Рейдер одиночным штурмом... А под серым, пепельно-траурным балдахином неба опускался на нас конус Белого Рейдера. Автоматика Рейдера все же была задействована на посадку... Из основания Рейдера беззвучно выдвинулись широкие опоры – семь или восемь, я не успел сосчитать... Рейдер опускался, поддерживаемый силовым полем «Гонца» [10]; «Хрустальные линзы потемнели, оставшая Маржан наедине с памятью. – Кей Овальд... он был очень интересен... я видела его трижды. Хорошие физические данные, великолепно владеет синтез-йодо и поверкиллингом, отличная реакция, постоянный самоконтроль...» [9]; «Информация накапливается в компьютерах компании постоянно. Так что экранирование психополя приведет лишь к одному – созданию новой личности» [9] и др.

Структура (композиция) текста, включающая лексический повтор англицизмов акцентирует внимание читателя на линии повествования, участвует в разграничении и детализации всего спектра действий персонажа (рейдера и др.). По мнению исследователей, «композиция... и есть построение, которое в первую очередь служит тому, чтобы воплотить отношение автора к содержанию и одновременно заставить зрителя так же к этому содержанию относиться» [15, с. 62].

Довольно часто автор прибегает к приёму помещения англицизма в модель «оценка ситуации и констатация ключевого факта (события) в сюжетной линии» в качестве актуализатора событий, явлений, фактов современного социума (нередко криминальная ситуация). Например: «...Погубила Анастасию привычка бриться в парикмахерской. Именно там, в кресле, с намыленной физиономией, его и изрешетили киллеры, подосланные коварным Вито Дженовезе» [2]. Описывая пейоративную (криминальную) ситуацию, автор проектирует определенное дистанцирующее восприятие данного контекста с помощью следующих языковых приемов: включение в ткань текста пейоративных лексем «изрешетили», «подосланный», «коварный» и др. Ключевым компонентом, регистром в данном процессе является англицизм

«киллеры» и др. Помещение пейоративного англицизма в форме множественного числа «киллеры» в кульминационную часть текста способствует тому, что речевой сплав субъективно-объективной речи достигает своего пика, особого драматизма. В процессе создания данной иллокутивной «атмосферы», актуализирующей восприятие читателя, англицизму принадлежит ключевая роль: в сочетании с другими элементами языка он участвует в реализации иллокутивных составляющих «ирония» и «сарказм».

Довольно часто автор включает англицизмы в текст, представляющий собой модель «описание и оценка ситуации пейоративной направленности». Например: «Эти вообразили, будто обещание «гарантированного выхода из любой ситуации» – реклама киллерского агентства, и пришли оформить заказ. Мужчину, который задумал истребить нечестного бизнес-партнёра, Ника сумел образумить – посоветовал отплатить вору той же монетой и даже, пораскинув мозгами, предложил остроумную схему операции под кодовым названием «Возмездие» [1, с. 6]; «Во время дефолта 98-го банк преотличным образом лопнул, и бывший подданный её величества оказался в отчаянном положении: на одной чаше весов неработающая жена, двое годовалых детей и привычка к определённом уровню жизни, на другой – странный бизнес, который неплохо смотрелся как хобби состоятельного рантье, однако обеспечить существование семьи из четырех человек никак не мог» [1] и др.

Помещение в указанных примерах в препозицию к англицизмам пейоративных слов (прилагательных «странный», «нечестный» и др.) способствует реализации тактики «дистанцирования». Нередко автор прибегает к приёму включения в постпозицию к англицизму лексем, близких по семантике. Например: «Хендрикс (это знакомый один, на барбитуре сидит) недавно рассказывал, что на Солянке есть мужик, который старые бумажки берет. Офис у него там, со двора вход. Как контора называется, Рулет позабыл, но Хендрикс говорил, найти легко, там табличка висит» [4, с. 4] и др.

Для реализации тактики дистанцирования автор прибегает к определённой языковой игре. Данная языковая игра, в которой имеет место сближение эквивалентных по значению слов (офис – контора), затрагивает авторские интенции. Высокочастотный англицизм «офис», ставший символом эпохи, в процессе данной языковой игры может участвовать в процессе создания тактики дистанцирования. Эквивалент англицизма, помещённый в постпозицию, подчеркива-

ет избыточность включенного англицизма, затрагивает понятие «тавтология» (офис, контора). Соединение в речевой ситуации лексем «мужик», «старые бумажки берёт» и «офис» создаёт определённый контраст, противоречие, способствуя возникновению иллокутивных составляющих «ирония» и «сарказм».

Текст-повествование от 1-го лица может включать оценку ситуации и реакцию на неё. При этом может иметь место стремление рассказчика (повествователя) произвести эффект своей речью. Например: «Например, такой сюжет. В 98-м это было, во время дефолта. Я как раз перед 17 августа операцию по конвертации провёл... Тогда большие чиновники запросто совмещали госслужбу с бизнесом, то есть наоборот: бизнес с госслужбой. Сейчас, конечно, тоже, но всё-таки не так внезапно. И стал замминистра требовать свои доллары обратно. Я не отдаю – с какой радости? Начал он меня гнобить, не по-детски: налоговые проверки, «маски-шоу» – это когда ОМОН в офис врывается, сотрудников кладёт лицом на пол и переворачивает всё вверх дном... Ну как вам мой рассказ?» [4, с. 97] и др.

В приведённом примере автор в форме разъяснительного комментирования даёт свою оценку конкретным событиям, обозначенным англицизмами («дефолт», «маски-шоу»). Языковая игра включает параллелизм структурных частей, в котором имеет место перестановка англицизма (чиновники запросто совмещали госслужбу с бизнесом, то есть наоборот: бизнес с госслужбой) и др. Особый доверительный тон создают вопросы рассказчика (повествователя), помещённые в «ткань» текста. Являясь символом чужого, англицизмы помогают «нарисовать» в тексте «мир чужого». Они помогают автору изобразить «картину» данного мира, сфокусировать эту «картину» в сознании читателя – «мир» чужого для повествователя криминального «театра» («маски-шоу»). Конечно, в процессе языковой игры затрагивается стратегия «включение в круг чужих», тактика дистанцирования. Помещение в текст-повествование от 1-го лица (по модели «оценка ситуации и реакция на неё») в препозицию к англицизмам разделительных союзов, дистанцирующих слов («явный», «мокрая ткань» и др.), направлено на возникновение тактики дистанцирования, иллокутивных составляющих «ирония» и «сарказм». Например: «Я бросил мокро хлопнувший узел на пол. Это была то ли штора, то ли покрывало, в которое была завернута одежда, явный сэконд-хенд. Сквозь мокрую ткань четко

виднелась и подошва маленького детского ботинка» [13] и др.

Таким образом, англицизмы в текстах несобственно-прямой речи по линии «автор – читатель» нередко выступают актуализаторами различных моделей: «оценка ситуации и реакция на неё», «характеристика персонажа (объекта оценки) в конкретной ситуации и реакция на неё» и др. Как показал материал исследования, англицизмы, участвуя в создании различных прагматических моделей, в центре которых находится концепт «оценка», служат индикаторами авторских интенций. Они нередко проектируют тактику дистанцирования, участвуют в реализации иллюкутивных составляющих «ирония» и «сарказм».

Список литературы

1. Акунин Б. Внеклассное чтение. – М.: Олма Медиа Групп, 2003. – С. 6.
2. Акунин Б. Кладбищенские истории. – М.: Астрель, 2009. – С. 47.
3. Акунин Б. Приключения магистра. – М.: Олма-Пресс, 2006. – 704 с.
4. Акунин Б. Приключения Николаса Фандорина-3 – М.: Олма-Пресс, 2003. – 768 с.
5. Бахтин М.М. Проблема текста // Вопросы литературы. – 1976. – № 10. – С. 35–76.
6. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопов в романе: Очерки по исторической поэтике // М.М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
8. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. – М.: Высшая школа, 1981. – 320 с.
9. Лукьяненко С. Линия грез. – М.: Астрель, 2001. – 528 с.
10. Лукьяненко С. Лорд с планеты Земля. – М.: Астрель, 2003. – С. 87.
11. Лукьяненко С. Сегодня, мама! – М.: Астрель, 2009. – С. 93.
12. Лукьяненко С. Царь, Царевич, король, королевич. – М.: Астрель, 2009. – С. 56.
13. Лукьяненко С. Черновик. – М.: АСТ, 2005. – 416 с.
14. Солганик Г.Я. Очерки модального синтаксиса: монография / Г.Я. Солганик. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 136 с.
15. Эйзенштейн С. Избранные произв. В 6-ти томах т.3. – М., 1971 – С. 62.

References

1. Akunin B. Extracurricular reading. M.: Olma Media Group, 2003. pp. 6.
2. Akunin B. The graveyard of history. M.: Astrel, 2009. pp. 47.
3. Akunin B. Adventures of the master. – M.: Olma-Press, 2006. 704 p.
4. Akunin B. Adventure Nikolos Fandorin-3 M.: Olma-Press, 2003. 768 p.
5. Bakhtin M.M. Problems of the text // Questions of literature. 1976. no. 10. p. 35–76.
6. Bakhtin M.M. Form of time and chronotops in the novel: Essays on the historical poetics // M.M. Bakhtin. Questions of literature and aesthetics: Pearch of different years. M.: Imaginative literature, 1975. pp. 234–407.
7. Bakhtin M.M. The aesthetics of verbal creativity. M.: Art, 1986. 445 p.
8. Vinogradov V.V. Problems of Russian stylistics. M.: Higher school, 1981. 320 p.
9. Lukyanenko S. Line dreams. M.: Astrel, 2001. 528 p.
10. Lukyanenko S. Lord from planet Earth. M.: Astrel, 2003. p. 87.
11. Lukyanenko S. Today, mum! M.: Astrel, 2009. p. 93.
12. Lukyanenko S. Tsar, tsarevitch, king, king's son. M.: Astrel, 2009. P.56.
13. Lukyanenko S. Draft. M.: AST, 2005. 416 p.
14. Solganik G.Y. Essays modal syntax: scientific monograph / G.Y. Solganik M.: Flint: Science, 2010. 136 p.
15. Eyzeynshteyn S. Selected works. In 6 volumes. Vol. 3. M., 1971 pp. 62.

Рецензенты:

Кудряшов И.А., д.фил.н., профессор кафедры русского языка и теории языка, ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону;
 Клемёнова Е.Н., д.фил.н., профессор, ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону.
 Работа поступила в редакцию 03.09.2013.